

**В Судебную коллегия по уголовным делам
Верховного Суда Республики Казахстан,
г. Нур-Султан**

**От: осужденного Сыроежкина
Константина Львовича, 1956 года рождения,
по ст. 175 ч.1 УК РК, срок 10 лет.
н/с 19.02.2019 г.
к/с 19.02.2029 г.
находящегося в учреждении ЛА155/8 по адресу:
040805, Алматинская обл., пос. Заречный**

**Дополнение к ходатайству
об отмене судебных актов, вступивших в законную силу**

Свои аргументы и доводы в обоснование незаконности и несправедливости вынесенного мне обвинительного приговора я подтверждаю следующими нарушениями действующего уголовно-процессуального законодательства РК органами, ведущими уголовный процесс, как на стадии досудебного производства, так и судами первой и апелляционной инстанций.

(1) Следствие и суд по неизвестным для меня причинам (во всяком случае, без ознакомления меня с мотивированным постановлением если таковое было принято) проводились в закрытом режиме.

Основания принятия такого решения противоречат не только нормам Конституции РК, ратифицированным Республикой Казахстан международным пактам по правам человека, но и ст.22 Закона РК «О государственных секретах», пп.8, 11 нормативного постановления Верховного Суда РК №3 от 31.03.2017 г. «О применении в уголовном судопроизводстве некоторых норм законодательства, регламентирующего вопросы защиты государственных секретов» и уголовно-процессуальному законодательству РК (ст. 1, 2, 8, 10, 19, 23, 24, 29, 35 УПК РК) по следующим основаниям:

а) Обвинение априори исходило из своего предположения, о том, что я, как главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (далее – КИСИ) отношусь к категории лиц – «носителей государственных секретов».

Однако вышеуказанное предположение является заведомо надуманным и ложным. Стороной защиты и руководством КИСИ ещё на этапе предварительного следствия было доказано, **что я не являюсь носителем каких-либо секретных сведений, не имею доступа к госсекретам и иной охраняемой законом тайне, документам, имеющим специальный гриф «секретно» или «совершенно секретно». Допуск мне не оформлялся,**

подписок я не давал.

Выдвинутая стороной обвинения версия, основанная только на предположении следователя, не нашла своего подтверждения в судебном заседании и не была подтверждена привлеченными стороной обвинения в качестве свидетелей действующими и бывшими сотрудниками КИСИ. Однако судья этот факт проигнорировал.

б) Обвинение базировалось на неквалифицированной, а потому ложной экспертизе ЦСЭ МЮ содержания моих статей и обзорных материалов, подготовленных по просьбам моих зарубежных коллег – китайских учёных, а также телефонных бесед с моими казахстанскими коллегами.

Согласно имеющимся в деле экспертизам, проведенным в Администрации Президента РК (далее – АП), МИД РК, Минсельхозе РК и Совете безопасности РК (далее – СБ), все использованные в качестве предмета и объекта экспертного исследования тексты, **были написаны на основе открытых источников с использованием выводов и заключений, имеющихся в моих публичных работах и работах других ученых, в связи с чем они никак не могли содержать и не содержали сведений, относящихся к государственным секретам и иной охраняемой законом тайне.**

Не содержится в них и инсайдерская информация, которая могла быть мне известна как сотруднику КИСИ и использована моими зарубежными коллегами **в целях подрыва интересов национальной безопасности Республики Казахстан.**

Более того, в ходе главного судебного разбирательства, гособвинителем Мырзагали Д. было публично заявлено о том, что Сыроежкина К.Л., т. е. меня, **«сторона обвинения не обвиняет и не подозревает в том, что он передавал китайской стороне какие-либо секреты».**

Сказанное выше – свидетельство того, что содержащееся в приговоре обвинение меня в выдаче государственных секретов и нарушении положений подписанного с КИСИ трудового договора есть заведомая ложь!

с) Я обоснованно полагал, что в демократическом государстве, каковым РК является по Конституции и позиционирует себя на международной арене и где Законом гарантируется гласность, свобода слова, свобода получения и распространения информации, обмен информацией, не содержащей государственных секретов и базирующейся на публичных источниках, выводах и заключениях ранее опубликованных работ, не может являться либо признаваться преступлением. Тем более, трактуемым как государственная измена или шпионаж.

Орган следствия и суды применили в отношении меня норму уголовного закона, которая не подлежала применению, ввиду того что, согласно диспозиции ст. 175 УК РК, законом дано материальное определение понятия преступления «государственная измена», под которым следует понимать: «умышленные действия гражданина Республики Казахстан,

выразившиеся в переходе на сторону врага во время вооруженного конфликта, а равно **шпионаже, выдаче государственных секретов иностранному государству, международной или иностранной организации либо их представителям, а равно в ином оказании им помощи в проведении деятельности, направленной против национальных интересов Республики Казахстан».**

По смыслу закона, непосредственным объектом государственной измены является внешняя безопасность и суверенитет Республики Казахстан, что вытекает из содержания диспозиции ст. 175 УК РК.

Предметом преступления может являться выдача государственных секретов или шпионаж.

Выдача государственных секретов заключается **в умышленном сообщении или умышленной передаче сведений, составляющих государственные секреты**, гражданином РК иностранному государству, международной или иностранной организации либо их представителям.

Определение понятия «государственные секреты» дается в ст. 1 ЗРК от 15 марта 1999 года «О государственных секретах»: «защищаемые государством сведения, составляющие государственную и служебную тайны, распространение которых ограничивается государством с целью осуществления эффективной военной, экономической, научно-технической, внешне-экономической, внешнеполитической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной или иной деятельности, не вступающей в противоречие с общепринятыми нормами международного права». При этом список государственных секретов, обозначенных в Законе РК «О государственных секретах», является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Шпионаж выражается в передаче, а равно в сборе, похищении или хранении с целью передачи иностранному государству, международной организации либо их представителям **сведений, составляющих государственные секреты**, а также передаче или собирании **по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их против национальных интересов Республики Казахстан.**

По факту и результатам как предварительного досудебного расследования, так и судебного следствия по существу предъявленного мне обвинения (ст. 175 УК РК) **наличие ни одного из предусмотренных уголовным законом объективных признаков состава данного преступления не было установлено и доказано!**

В моем конкретном случае имела место обычная практика научных контактов между казахстанскими (и не только) учеными и их зарубежными коллегами. При этом статьи и обзоры готовились исключительно на базе **публичной информации, не содержащей государственных секретов и иной охраняемой законом тайны.** Данный факт был подтвержден экспертами АП,

МИД РК, Минсельхоза РК, СБ РК, показаниями свидетелей в суде и даже гособвинителем.

Не менее значимо и то, что практика таких научных обменов закреплена в подписанных Казахстаном (в том числе с Китаем) международных договорах, а также в меморандумах о научном обмене и сотрудничестве, подписанных КИСИ (в том числе и с теми структурами, чьи заказы я выполнял на возмездной-гонорарной основе и с учёными, работающими в которых, я поддерживал научные контакты).

Сказанное выше свидетельствует о том, что **отсутствовало собственно событие преступления**, квалифицируемое как «государственная измена», хотя ни следствие, ни суды первой и апелляционной инстанций в нарушение норм ст. 19, 24, 35 УПК РК предпочли не обратить на это внимания.

d) Засекретив уголовное дело, сторона обвинения грубо нарушила не только предоставленное мне Конституцией РК право на адекватную защиту, но и основополагающий принцип судопроизводства – обеспечение состязательности и равенства сторон (ст. 23 УПК РК). Если следователь и прокурор имели постоянный допуск к материалам дела, то я и мой адвокат были лишены такой возможности (ст. 47 п.9 УПК РК) и не могли в ходе судебного заседания опротестовать выводы обвинительного акта в полном объеме. Судья суда первой инстанции в нарушение ст. 304, 320 и 355 УПК РК просто проигнорировал факт невручения мне и моему адвокату копии обвинительного акта.

Судами первой и апелляционной инстанций были нарушены требования ст. 47 п.10 и ст.397 п.4 УПК РК, приговор и постановление апелляционной коллегии по уголовным делам были незаконно и без должных на то оснований засекречены. **Мне и моему адвокату копии этих итоговых процессуальных документов в нарушение ст. 404 УПК РК вручены не были.** С приговором я был ознакомлен только два раза – 11.10.2019 г. и 18.06.2021 г., а с полным текстом постановления один раз – 18.06.2021 г.

Другими словами, судом первой инстанции, не вручившим мне копию приговора, я был лишен возможности подготовки аргументированной апелляционной жалобы на не вступивший в законную силу приговор. Хотя в условиях СИ ДКНБ, где я содержался, обеспечить условия охраны госсекретов не составляло труда.

Суд апелляционной инстанции, приняв заведомо незаконное постановление (нарушены нормы ст. 404 и 418 УПК РК) и по непонятным основаниям засекретив его, лишил меня возможности подготовки ходатайства в Верховный Суд, основываясь на изложенных в приговоре и постановлении ложных выводах либо предположениях и домыслах обвинения.

Предоставление через 1,5 года (18.06.2021 г.) после вступления приговора в законную силу возможности ознакомления (в течение 1,5 часов) с приговором и постановлением можно расценивать как фарс. Ознакомление с документом и его детальное изучение с целью обжалования – отнюдь не одно и то же. Более

того, я по-прежнему лишен допуска к материалам моего уголовного дела, на которых и основаны ложные выводы и заключения, содержащиеся в обвинительном акте и приговоре.

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что как на этапе досудебного расследования, так и в судебных заседаниях судов первой и апелляционной инстанций **были существенно нарушены не только мои конституционные права, но и нормы уголовно-процессуального законодательства РК.**

(2) Орган следствия избрал исключительно обвинительный уклон, в связи с чем досудебное производство было проведено односторонне и неполно; не только не выполнил требований статей 19, 24 п.5, 35 п.2, 434-435 УПК РК, но не предоставил в суд неопровержимые доказательства того, что, готовя по заказу моих зарубежных коллег статьи и обзоры, «я умышленно намеревался, хотел и желал причинить вред интересам национальной безопасности Республики Казахстан».

Тем самым сторона обвинения не выполнила требований, предусмотренных ст. 20 УК РК и ст.23-24 УПК РК, согласно которым ей вменялось в обязанность показать и доказать не только наличие в моих действиях необходимых (определенных законом, а не вытекающих из домыслов и предположений следователя и экспертов) признаков состава преступления, квалифицируемого как «государственная измена», но и умышленной формы моей вины; не раскрыла способа совершения уголовно-наказуемого правонарушения и не установило необходимой причинно-следственной связи между моими действиями и наступившими в их результате вредными последствиями для интересов национальной безопасности РК, её суверенитета, внешней и внутренней политики.

Судом первой инстанции не только была дана неправильная и заведомо ошибочная правовая оценка представленных следствием материалов, но и абсолютно проигнорированы мои аргументы, ходатайства моего адвоката, показания свидетелей в суде и заключения экспертов АП, МИД РК, Минсельхоза РК, а главное – СБ РК, подтвердившие не только **отсутствие в моих действиях состава преступления, квалифицируемого как государственная измена, но и собственно самого события преступления, не говоря уже о преступном умысле.**

По-видимому, совокупностью именно этих обстоятельств, а также игнорированием судьями первой и апелляционной инстанций духа, буквы и логики уголовно-процессуального законодательства РК (об оказании давления на судей со стороны сотрудников ДКНБ РК я умалчиваю, хотя уверен, что оно имело место быть) и стало несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Вышесказанные выводы подтверждаются следующими аргументами:

а) Ни следователь в своём обвинительном акте, ни повторивший его в своей обвинительной речи гособвинитель, ни скопировавший их в своём приговоре

судья конкретно не указали, **какая из моих статей или какой из обзоров** (за весь, период с 2014 по 2018 годы их было более 100), в том числе из числа написанных по просьбам моих зарубежных коллег (не только китайских и не всегда на гонорарной основе), **нанесла или может нанести какой-либо вред национальным интересам РК и какой в результате моей «преступной» деятельности я нанёс ущерб государству и в чём этот ущерб выразился!**

А ведь доказательства именно этого, как и доказательства умышленной формы вины в нанесении ущерба интересам национальной безопасности РК, её суверенитету, внешней и внутренней политике усматривает диспозиция ст. 175 УК РК и требует уголовно-процессуальное законодательство РК!

С моей точки зрения, подтверждаемой реальными фактами и показаниями свидетелей в суде, всё обстояло с точностью до наоборот.

Мои статьи и обзоры (в том числе написанные мною или другими авторами по просьбам моих китайских коллег) не только способствовали решению конкретных проблем в казахстанско-китайских отношениях, но и укреплению научных связей казахстанских учёных со своими зарубежными коллегами, а следовательно, повышению позитивного международного имиджа казахстанской науки в частности и самой Республики Казахстан в целом!

Я могу судить об этом достаточно объективно и достоверно, поскольку, в отличие от привлеченных следствием в качестве экспертов «политологов», занимался оценкой всех этих вопросов в режиме постоянного мониторинга. Об этом же говорили на главном судебном заседании мои коллеги, которых судья предпочел либо не услышать (когда они излагали доводы, противоречащие обвинению), либо полностью извратить логику их показаний в приговоре («благо» заседание проходило в закрытом режиме, и аудио-видео фиксация не велась). Хотя даже в извращенном виде их показания не дают оснований обвинять меня в государственной измене.

(b) Судом абсолютно был проигнорирован тот факт, что в течение тех 30 лет, что я поддерживал контакты со своими китайскими коллегами, всегда имел место двусторонний обмен информацией и материалами, мои работы регулярно публиковались в Китае и других странах, а их работы в Казахстане, из чего следует вывод о том, что со стороны властей Китайской Народной Республики, указанный обмен взаимной информацией никогда не расценивался как шпионаж в пользу Республики Казахстан, либо деяние имеющее признаки государственной измены со стороны моих китайских коллег!

О фактах того, что информация исходила не только от меня, но и в обратном направлении поступала ко мне от моих зарубежных коллег, свидетельствуют мои доклады руководству Казахстана и публикации по Китаю и казахстанско-китайским отношениям за последние 25–30 лет. Без получения информации от моих зарубежных коллег и без их практической помощи и содействия в приобретении литературы в Китае, решить поставленные перед КИСИ руководством РК задачи в условиях дефицита в Казахстане информации о Китае

было бы весьма затруднительно, если вообще возможно.

(с) В нарушение требований ст. 24, 111, 113, 125, УПК РК ни следствие, ни суд абсолютно не исследовали вопрос о том, что почти все материалы, приведенные в обвинительном акте и в приговоре как «написанные по заказу китайской стороны», были опубликованы в изданиях Синьцзянского университета, Института России, Восточной Европы и Центральной Азии и других институтов Академии общественных наук (АОН) КНР, а также в российских и казахстанских научных изданиях.

Другими словами, рассматривать их в качестве «разведывательной информации», якобы «подготовленной по заданию китайской разведки», означает выдачу желаемого за действительное, что в праве имеет четкое определение и называется **дезинформацией и фальсификацией доказательств по уголовному делу.**

Из этой же серии отнесение к категории «развединформации» моих статей по проблемам ШОС и предложениях Казахстана по развитию этой организации, подготовленных по просьбам моих китайских коллег к прошедшим в Китае в 2015 и 2016 годах саммитам ШОС.

Это – свидетельство полного непонимания сотрудниками КНБ РК, следователем и судьёй разницы между развединформацией и научной информацией. Такого рода статьи как раз и пишутся либо накануне события (анализ предыдущих саммитов, авторские прогнозные оценки, предполагаемые темы для обсуждения), либо после события (оценка результатов). Поскольку материалы готовились на основе исключительно открытых источников и не содержали сведений, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну, отнесение их к категории «развединформации» – выдача желаемого за действительное и откровенная **фальсификация доказательств.**

И уж совсем за гранью здравого смысла (о требованиях к доказательствам, изложенным в УПК РК я умалчиваю) отнесение в обвинительном акте и приговоре к «доказательствам» моей вины оговорки в одном из моих интервью о принадлежности Китайского института современных международных отношений (КИСМО) к системе АОН КНР в контексте ответа на вопрос об аналитических структурах спецслужб КНР. КИСМО входит в подчинение ЦК КПК, а не АОН КНР. Сотрудники КНБ, работающие на китайском направлении, обязаны это знать и расценивать мою оговорку именно как оговорку.

d) Во всех заключениях ПДК, назначенных следствием судебных экспертиз, красной нитью проходит вывод о том, что написанные по просьбе моих китайских коллег статьи и обзоры **не могли быть использованы и даже потенциально не могут быть использованы в деятельности, направленной против интересов национальной безопасности Республики Казахстан**, как заведомо ущербные и подрывающие или могущие посягнуть на безопасность и национальные интересы Республики Казахстан, что подтверждает **отсутствие в моих действиях события преступления.**

В суде первой инстанции данные экспертизы в нарушение ст. 113 и 125 УПК РК не исследовались, а судьёй при постановлении приговора были приняты за основу содержащиеся в обвинительном акте выводы следователя, основанные на его домыслах и предположениях, базирующихся на извращенно толкуемых допущениях некоторых экспертов, не имеющих ничего общего не только с реальным положением дел, но и с выводами квалифицированных экспертов из АП, МИД и СБ РК. Это само по себе недопустимо с точки зрения правоприменительной практики (ст. 19 УПК РК).

О реальном положении дел свидетельствует характер отношений между Казахстаном и Китаем и динамика их развития за последние 25–30 лет. Начиная с 2005 года, они характеризуются как «отношения стратегического партнёрства», в 2011 году их статус был повышен до «отношений всестороннего стратегического партнёрства», в 2015 году стороны подтвердили, что казахстанско-китайское всестороннее стратегическое партнерство вступило в новый этап, а в сентябре 2019 года главы КНР и РК объявили об установлении «вечного стратегического партнерства».

Это закреплено в подписанных и ратифицированных КНР и РК двухсторонних соглашениях и международных договорах.

По непонятной для меня и противоречащей уголовно-процессуальному закону Республики Казахстан (ст. 1, 2, п.3 УПК РК) логике и следствием и судом в основу обвинения были положены не содержащиеся в вышеуказанных соглашениях положения и даже не итоговые выводы экспертиз ПДК, а всего лишь **сомнительные предположения и допущения** привлеченного следствием «эксперта», домыслы следователя и сотрудников КНБ, а также явные фальсификации.

е) Не нашло в суде своего подтверждения, содержащееся в обвинительном акте и переписанное из него в приговор обвинение меня в «вербовке граждан РК» или «выводе их в КНР для последующей вербовки спецслужбами КНР».

Я всего лишь просил других экспертов подготовить (за аналогичный с моим гонорар) те или иные статьи и обзорные материалы по темам, обозначенным моими китайскими коллегами. Причины банальны. Во-первых, эти эксперты являются более компетентными в данных вопросах. Во-вторых, они ничего не имели против небольшой подработки на возмездной основе, учитывая то, что это не вступало в противоречие ни с действующим законодательством, ни с научной этикой и является законной практикой.

Расценивать это как «вербовку граждан РК», мягко говоря, глупость, свидетельствующая о профнепригодности ведущих следствие сотрудников ДКНБ и привлеченного ЦСЭ МЮ «эксперта-политолога», а главное – об их стремлении выполнить заказ и привлечь к уголовной ответственности заведомо невиновное лицо.

Бесспорно, и то, что по моей рекомендации некоторые казахстанские (и не только) эксперты выезжали в КНР для участия в научных конференциях или

чтения лекций (в некоторых случаях совместно со мной, но в большинстве – самостоятельно). Некоторые из них сами просили меня познакомить их с моими китайскими коллегами для осуществления совместных проектов. Я оказывал им помощь, поскольку не видел в этом никакого криминала.

Некоторые казахстанские эксперты по моей рекомендации и при содействии моих китайских коллег получили образование в вузах Китая или прошли стажировку в институтах АОН КНР.

По недоступной для меня логике в обвинительном акте, а главное – в приговоре все это рассматривается в качестве признаков преступления, квалифицируемого как «государственная измена». Разве все это преступление? Все это – обычная практика в обмене научной информацией и научными кадрами, закрепленная в совместных декларациях, подписанных между Казахстаном и Китаем, и не нарушает норм действующего законодательства.

Обычной практикой является и выплата гонораров за участие в научной конференции, написание статьи или прочитанную лекцию. Причём, в большинстве случаев (особенно в Китае) гонорары выплачиваются наличными с получением соответствующей расписки, которую не следует путать «с подпиской о согласии на негласное сотрудничество со спецслужбами» другого государства, оформляемой соответствующим образом!!!

То, что некоторые из этих экспертов в дальнейшем самостоятельно продолжили свое сотрудничество, с китайскими учёными – явление вполне закономерное. Как вполне закономерно и то, что у некоторых это сотрудничество не сложилось и не имело своего продолжения. В науке это объясняется либо несовпадением методик проведения исследований, либо отсутствием интереса к тем или иным направлениям исследований, либо иными обстоятельствами (в том числе и личного плана).

Делать из сказанного выше далеко идущие выводы и уж тем более квалифицировать эти действия как государственную измену – из области фантастики или больного воображения, не имеющего ничего общего с уголовным и уголовно-процессуальным законом РК и правом вообще.

Доказанным же в ходе следствия и подтвержденным свидетельскими показаниями в суде является тот факт, что вербовочных предложений в адрес казахстанских ученых от моих китайских коллег не поступало, а предложенные для совместного изучения направления исследований не выходили за рамки научных интересов.

Не было выявлено следствием и фактов использования китайской стороной, подготовленных ими (по моей просьбе или самостоятельно) статей и обзорных материалов, которые были использованы или потенциально могут быть использованы в ущерб интересам национальной безопасности Республики Казахстан.

Если бы было иначе, то следствие бы возбудило уголовные дела в их отношении. Однако никто из моих казахстанских коллег (в том числе те, кто

выполнял заказы китайских ученых по моей просьбе или самостоятельно) к ответственности по ст. 175 УК РК привлечен не был. И это справедливо! Никакого преступления они не совершили! Но главное – это говорит о несостоятельности обвинения в этой части. Никого ни я, ни мои китайские коллеги не вербовали!

f) Следствием не был доказан его косвенный вывод о том, что Китай является враждебным по отношению к Казахстану государством, а спецслужбы КНР ведут подрывную деятельность против Казахстана. **Не было представлено доказательств того, что мои коллеги – китайские ученые, работают против Республики Казахстан и своими действиями нанесли ущерб (конкретно – какой, когда и в чём это выражалось?) интересам её национальной безопасности.**

Никоим образом не может служить подтверждением и доказательством моей вербовки спецслужбами КНР и «выполнения мною заданий китайской разведки», как это изложено в обвинительном акте и приговоре, факт моего знакомства с некоторыми сотрудниками спецслужб КНР. Хотя мой круг знакомых, главным образом – китайские ученые, дипломаты и журналисты, среди них вполне могли оказаться и те, кто сотрудничал со спецслужбами и выполнял их задания. Однако мой опыт и мои знания позволяют легко определить кто есть кто, а потому не быть «использованным втёмную». Не выявили их принадлежности к спецслужбам КНР и бывшие сотрудники КГБ-КНБ, которые знакомили меня с теми, кого следствие подозревало в принадлежности к спецслужбам КНР.

Почему судья при постановлении обвинительного приговора положил в его основу лишь **домыслы и предположения следствия**, абсолютно проигнорировав мои показания, показания свидетелей и ходатайства моего адвоката, остаётся для меня непонятным. Тем не менее, все эти обстоятельства **свидетельствуют о поверхностном и одностороннем рассмотрении дела** по существу предъявленного мне обвинения и нарушении судом требований ст. 24, 111, 113 и 125 УПК РК.

Постановлением заведомо незаконного, неправосудного, обвинительного приговора в отношении меня были грубо и существенно нарушены нормы не только уголовно-процессуального законодательства РК, но и нормы Конституции Республики Казахстан, а также положения соглашений о всестороннем стратегическом партнёрстве, заключённых, между Казахстаном и Китаем в 2005–2019 годах и ратифицированные парламентами обоих государств.

g) Не было подтверждено совокупностью доказательств изложенное в обвинительном акте и скопированное в приговоре обвинение меня в шпионаже и «работе на китайскую разведку».

Следователь ДКНБ и процессуальный прокурор не могли не знать, что предметом шпионажа являются лишь сведения, составляющие **государственные секреты**, а также иные сведения, если они **собираются по**

заданию иностранной разведки и которые могут быть использованы против национальных интересов Республики Казахстан.

Наличие вышеуказанных объективных признаков состава преступления ни следствием, ни судом, ни в моих действиях, ни в действиях моих китайских коллег установлено не было. Во всяком случае, нет ни одного документально подтвержденного факта, что:

- я передал китайской стороне информацию, содержащую государственные секреты или иную охраняемую законом Республики Казахстан тайну;

- мои китайские коллеги являются действующими сотрудниками спецслужб КНР, а их просьбы по написанию статей и обзорных материалов, обращенные ко мне, могут быть квалифицированы как «разведывательное задание завербованному агенту», а сами эти материалы, как «разведывательная информация»;

- моя деятельность или деятельность моих китайских коллег была направлена против интересов национальной безопасности РК и нанесла им какой-либо ущерб (какой, когда и в чем он конкретно выражался?);

- КНР является враждебным по отношению к РК государством;

- национальные интересы КНР противоречат национальным интересам РК. Если да, то в чём это конкретно выражается и был ли национальными интересами КНР нанесен какой-либо ущерб национальным интересам РК.

Ни одного признака либо элемента состава преступления, предусмотренного в диспозиции ст. 175 ч.1 УК РК, в моих действиях не содержалось. Однако вопреки здравому смыслу, букве, духу и логике Закона, в нарушение требований ст. 24, 111, 113 и 125 УПК РК я был незаконно и необоснованно признан виновным в том, чего на самом деле не совершал.

Сбор, обработка и анализ информации о Казахстане (и не только о нём) и его внешней политике, как и расширение контактов с зарубежными коллегами, являлись составной частью моей научной деятельности, входили в мои служебные обязанности как научного сотрудника. Если бы я этого не делал, то ничего и не написал бы, а всем моим заключениям и выводам была бы грош цена.

Я писал статьи и обзорные материалы в силу своих служебных обязанностей, не по «заданию спецслужб КНР», а по просьбам моих китайских (и не только) коллег, чья принадлежность к спецслужбам не была установлена и доказана ни в ходе досудебного расследования, ни в процессе судебного следствия.

Положений подписанного с КИСИ трудового договора я не нарушал. Трудовой договор не запрещает и не регламентирует порядок контактов с зарубежными коллегами и сотрудничества с ними по написанию статей, обзорных материалов и реализации совместных проектов, если в этих проектах и сотрудничестве сотрудник КИСИ выступает как частное лицо.

(3) Суд проигнорировал подтвержденные во время судебного следствия факты фальсификации и подтасовки доказательств, имеющие место в ходе досудебного расследования (ст. 436 УПК РК), что в свою очередь, может служить доказательством факта соответствующих нарушений и виновности лиц, их допустивших в ходе расследования уголовного дела в соответствии с нормой части 5 ст. 112 УПК РК:

(а) Пытаясь «привязать» меня к категории лиц – носителей государственных секретов, следствие, ничтоже сумняшеся, **пошло на прямой подлог**, предоставив на экспертизу в АП, МИД, Минсельхоз и СБ РК, а также в КИСИ в том числе и материалы, взятые с рабочего стола моего компьютера, изъятого во время обыска.

Среди этих материалов были и материалы, которые готовились по заказу ИМЭП при Фонде Первого Президента – Лидера нации, других казахстанских заказчиков, а также написанные для КИСИ.

В судебном заседании по моему ходатайству стороной обвинения был опровергнут содержащийся в обвинительном акте и перекочевавший в выступление гособвинителя «факт» якобы пересылки мною моим китайским коллегам материалов под грифом «ДСП», подготовленных для КИСИ.

Как было заявлено гособвинителем «эти материалы не были перехвачены при пересылке, а получены с личного компьютера обвиняемого». Это же подтвердил и выступавший в суде в качестве свидетеля обвинения сотрудник ДКНБ. Как ни парадоксально, но несмотря на это, данный «факт» перекочевал в приговор, создав «основу» обвинения меня в государственной измене в форме шпионажа, что является заведомо ложным выводом судьи!

(b) Другая вопиющая фальсификация – содержащийся в обвинительном акте, заключении гособвинителя и перекочевавший в приговор пункт обвинения меня в разглашении госсекретов и шпионаже лишь на основе поставленных китайскими коллегами вопросов по трансграничным рекам.

Хотя эти вопросы были оставлены мною без ответа, а мой текст, по заключению экспертов Минсельхоза и МИД РК «не содержит никаких госсекретов» и «не может нанести ущерба интересам национальной безопасности РК», судом это было проигнорировано, а при вынесении приговора за основу была принята логика стороны обвинения.

(c) В нарушение п.3 ст.362 УПК РК судом проигнорированы три письменных ходатайства моего адвоката, которые были приняты и приобщены к материалам дела, однако остались без правовой оценки.

Непосредственно в судебном заседании суд эти ходатайства не рассматривал, мотивированного постановления об отказе в удовлетворении ходатайств не выносил, а ограничился сообщением о том, что якобы рассмотрит их и примет во внимание в совещательной комнате при вынесении судебного вердикта, чего на самом деле не произошло.

Изучив приговор суда, мой адвокат не нашёл в тексте даже упоминания о

том, что им были заявлены ходатайства и какое судом по ним принято процессуальное решение, т. е. не было даже мотивированного ответа, как этого требует закон.

При моём повторном ознакомлении с приговором и первичном ознакомлении с постановлением, организованном 18.06.2021 г., в обоих документах оценке ходатайств уделено достаточно места.

Однако, я не могу не верить своему адвокату. Если я от приговора суда был в шоке, то он пребывал в здравом уме и твёрдой памяти, а потому не мог огульно обвинить суд. Вторая странность – приговор и постановление (которые дали мне на ознакомление) поступили в учреждение из Алматинского городского суда 27.05.2021 г. Куда делось постановление, направленное в учреждение 2019.01.2021 г. (исх. 90), о чем я был проинформирован Алматинским городским судом (№7599-20-5-20 от 10.09.2020 г.)

Я понимаю, что поставленные вопросы носят риторический характер, но они заставляют задуматься, не имел ли место очередной подлог?

(d) Следствием и судом грубо нарушены требования ст.125 УПК РК. Если о допустимости собранных следствием доказательств моей «вины» можно с большой натяжкой что-то говорить, то об их **достоверности и относимости не может быть и речи.**

Во-первых, ни следствием, ни судом их достоверность не проверялась, и их относимость как доказательств не исследовалась.

Во-вторых, в заключениях ПДК и экспертизе ЦСЭ МЮ, на которых основано моё обвинение в измене Родине и шпионаже, имеет место избыток сомнительных выражений и формулировок таких как: «при определенной ситуации эти сведения могут оказаться секретными», «возможно причинение ущерба», «потенциально, в перспективе при переговорных процессах эти сведения могут нанести вред национальным интересам РК», «возможен незначительный ущерб», «это может нанести имиджевый вред КИСИ, МИД и правительству» и т.д.

В-третьих, имеют место откровенные фальсификации. Согласитесь, использовать никнейм электронной почты («Лао Ли» – «Старик Ли» в переводе с китайского), дополняя его фальшивыми биографическими данными (год рождения, место работы, и т. д.), «подкрепляя» это ссылкой на информацию, полученную от СВР «Сырбар», – «высший пилотаж» дезинформации суда и фальсификации доказательств по уголовному делу!

Все вышеприведенные надуманные предположения в корне противоречат основополагающему принципу уголовного судопроизводства Республики Казахстан в виде презумпции невиновности, согласно которому обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, подсудимого лица!

Суд при постановлении обвинительного приговора был обязан принять во внимание только **неоспоримые, законно добытые и достоверные**

доказательства умышленного совершения преступления, квалифицируемого как измена Родине в форме шпионажа.

Для этого в своих заключениях ПДК всех производивших экспертизу ведомств должны были не только конкретно доказать, какая из моих статей частично или полностью нанесла ущерб безопасности РК, но и в чём конкретно этот ущерб выражается.

Они должны были четко указать какой из материалов, подготовленных по просьбам моих китайских коллег, был использован (когда, кем и каким образом и с обязательным указанием источника информации, как того требует уголовный закон РК) **против интересов национальной безопасности Республики Казахстан.**

Следствие документально и неопровержимо должно было доказать факт моей вербовки спецслужбами КНР (перехваченные шифровки, подписанные псевдонимом; использование кодов и специальных шифровальных программ, при пересылке текстов по электронной почте; выявленные тайниковые операции; одновременное получение значительных финансовых средств, существенно превышающих авторский гонорар за статьи и т. д.). Ничего этого, за исключением домыслов следователя, в деле нет.

Должно быть документально доказано, что телефонные переговоры со своими казахстанскими коллегами, друзьями и учениками я вёл с целью их вербовки; рекомендовал их участие в научных конференциях в Китае, обучение в китайских вузах и стажировки в институтах АОН КНР, да и просто откликался на просьбы познакомить с китайскими учеными с целью реализации совместных научных или бизнес-проектов с «целью их вывода за рубеж для последующей вербовки спецслужбами КНР».

Должно быть документально и неопровержимо доказано, что Китай является враждебным по отношению к Казахстану государством; его национальные интересы противоречат национальным интересам Казахстана; китайские спецслужбы осуществляют деятельность, направленную на подрыв интересов национальной безопасности РК, нанесение ущерба его суверенитету, внешней и внутренней политике.

Должно быть документально и неопровержимо доказано, что мои коллеги – китайские ученые, являются действующими сотрудниками китайских спецслужб и были таковыми на момент моего знакомства с ними; их деятельность направлена на подрыв интересов национальной безопасности РК, и они нанесли ущерб (какой, когда и в какой форме?) её суверенитету, внешней и внутренней политике.

Ничего из сказанного выше в материалах уголовного дела нет. **Следствие не взяло на себя труд добычи достоверных, относимых и допустимых доказательств.**

В материалах уголовного дела нет ни одного свидетельства моих изменнических действий, как и направленных против интересов национальной

безопасности РК действий моих зарубежных (в том числе и китайских) коллег. Есть только подозрения, домыслы и сомнительные трактовки следствия, не нашедшие своего объективного подтверждения и основанные как на собственных заблуждениях следователя, так и на ошибочно трактуемых им предположениях и допущениях некоторых экспертов, не являющихся специалистами в вопросах отношений Китая с государствами Центральной Азии (в том числе и с Казахстаном) и его региональной политики.

Судом, принявшим за основу обвинительный акт, при постановлении обвинительного приговора не были соблюдены требования пунктов 1,2,3,4,6 части 1 ст. 390 УПК РК. На все поставленные в них вопросы однозначно должно ответить «нет»!!!

Стремление выполнить чей-то заказ по моему осуждению и изоляция от моих казахстанских и зарубежных коллег с целью прекращения моей научной деятельности (прежде всего в области китаеведения, международных отношений и политологии), а подспудно использование факта моего осуждения в каких-то закулисных играх, скорее всего, и определило мотивацию действий ведущего дело следователя СУ ДКНБ, а под давлением ДКНБ – неправомерные решения суда первой и апелляционной инстанций, «закрывших глаза» на нормы права.

Всё сказанное выше (если базироваться только на законе и совести, как того требует ст. 25 УПК РК) – есть очевидное свидетельство того, что следователем, судом первой и апелляционной инстанции были проигнорированы не только базовые принципы уголовного судопроизводства, но конкретные статьи УПК РК, обеспечивающие подозреваемому право на защиту, объективное и полноценное разбирательство по уголовному делу, как того требует Конституция Республики Казахстан и международные пакты по защите прав и свобод человека.

Именно игнорирование базовых принципов уголовного судопроизводства и конкретных статей УПК РК на этапе предварительного следствия, а также судами первой и апелляционной инстанций **привело к применению в отношении меня нормы уголовного закона, которая не подлежала применению**, что создало основу для **осуждения невиновного** и назначения ему за преступление, которого он не совершал, 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в условиях колонии максимальной безопасности.

Осужденный
Сыроежкин К.Л.